

Н. А. Дудников,
кандидат філологічних
наук, доцент
Криворожський державний
педагогічний університет

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА КАЛИОСТРО В РОМАНЕ-БИОГРАФИИ М. А. КУЗМИНА «ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ ИОСИФА БАЛЬЗАМО, ГРАФА КАЛИОСТРО»

Дудников Н. А. Авторская интерпретация образа Калиостро в романе-биографии М. А. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро».

Статья посвящена изучению авторской интерпретации образа графа Калиостро в романе-биографии М. А. Кузмина. Исследуются теоретические аспекты биографического жанра с учетом его разновидности — «новой биографии». Изучается беллетризованный сюжет, насыщенный авантурными приключениями, придающий роману эффект развлекательности. Обобщаются приемы изображения писателем авантурной исторической личности, имеющие антиномично-ироничную направленность.

Ключові слова: жанр біографії, «нова біографія», інтерпретація тексту, антиномичність, іронія, граф Каліостро.

Дудніков М. О. Авторська інтерпретація образу Каліостро в романі-біографії М. А. Кузьміна «Чудесне життя Іосифа Бальзамо, графа Каліостро».

Статтю присвячено вивченню авторської інтерпретації образу графа Каліостро в романі-біографії М. А. Кузьміна. Досліджуються теоретичні аспекти біографічного жанру з урахуванням його різновиду — «нової біографії». Вивчається белетризований сюжет, насичений авантурними пригодами, що надає роману ефекту розважальності. Узагальнюються прийоми зображення письменником авантурної історичної особистості, які мають антиномично-іронічну спрямованість.

Ключевые слова: жанр біографії, «нова біографія», інтерпретація тексту, антиномичність, іронія, граф Каліостро.

Dudnikov N. A. The author's interpretation of Cagliostro's character in M. A. Kuzmin's biography-novel "The wonderful life of Joseph Balsamo, count de Cagliostro".

The article is dedicated/devoted to the author's interpretation of Cagliostro's character in M. A. Kuzmin's biography-novel. The theoretical aspects of

biographic genre subject to its variety — “a new biography” are explored in it. The fictional plot saturated with adventure stories adding the novel an effect of entertainment, is studied herewith. The techniques of representation an adventurous historic personality, possessing antinomy-ironical trend, are generalized by the author.

Key words: biography genre, “a new biography”, text interpretation, antinomy, adventurism, irony, Count de Cagliostro.

Начало XX века стало временем серьёзных исторических потрясений как для Российской империи, так и для Европы. Первая мировая война изменила геополитическую карту мира, поскольку начали разрушаться целые империи. Исторические изменения такого масштаба вели к переоценке ценностей, к формированию нового представления о месте человека в динамичном мире. Все эти политические процессы сопровождались миллионными человеческими жертвами. Именно жанр биографии связан с извечным человеческим желанием почтить память умерших, он уходит корнями в древнегреческие пласты словесного творчества. Основоположником жанра биографии традиционно считают древнегреческого ритора Исократу, написавшего поминальную речь о кипрском тиране Эвагоре. В познании античной истории Греции и Рима огромная роль отведена биографиям Плутарха «Сравнительные жизнеописания», Тацита «О жизни и характере Юлия Агриколы», Светония «Жизнь двенадцати Цезарей» и др.

Жанр биографии, переживший множество трансформаций за время своего существования, особую популярность приобрел в XX столетии. Можно предположить, что этот жанр пользовался особой популярностью в переломные исторические периоды, поскольку всяческие «изломы» деструктивно влияют на столетиями сформированные духовные и нравственные устои личности, которая вынуждена найти в себе силы уберечь свой внутренний мир от разрушения. Как правило, эти благотворные импульсы человек ищет в накопленном опыте великих людей прошлого. Поэтому, зарождение жанра биографии первоначально было связано не с историко-литературным, теоретико-литературным осмыслением, а с философско-антропологическим контекстом.

Рубеж XVIII–XIX вв. стал началом истории современной биографии. Как правило, биографы этого периода объектом исследования выбирали умершего выдающегося человека, деяния которого изменили ход истории, что становилось причиной всенародного почитания. Особой художественности от биографии не требовалось. Этот жанр нес своеобразную воспитательную функцию. Читатели, интересуясь чужой жизнью, невольно сопоставляли ее со своей, получая при этом определенную модель поведения.

Биографию XIX в. чаще всего обобщенно называют «викторианской», потому что она лучше всего изучена на материале викторианской эпохи. Биография XIX в. зачастую превращалась в панегирик, в «героический портрет нравственного совершенства» (Ивлин Во).

Качественно новым этапом в развитии биографического жанра становится «новая биография», пришедшая на смену биографии XIX в. Литературовед П. Палиевский указал основные отличия «новой биографии» от предшественницы: «Ее основными принципами становятся повышенное внимание к внутреннему миру человека, подчеркнутая психологичность, установка на объективность и нередко иронический характер» [4, с. 137].

Основоположником «новой биографии» является английский писатель, биограф, литературный критик Д. Л. Стрэчи. Его сборник биографий «Выдающиеся викторианцы» сделал его знаменитым не только в Великобритании, но и во всем мире. Он определял биографию как художественно-литературный жанр. Д. Л. Стрэчи утверждал, что первой обязанностью великого историка — быть художником; с людьми нельзя обращаться как со знаками прошлого; «новую биографию» он назвал «самой деликатной и гуманной отраслью искусства литературы», выражая тем самым свое категорическое неприятие викторианской биографии [7]. В эссе британской писательницы и литературного критика В. Вулф «Новая биография» (1927) проводится сравнительная характеристика позиций авторов «новой биографии» и викторианской. Таким видит В. Вулф автора «новой биографии»: «Он отбирает; он синтезирует; короче, он перестает быть хроникером; он превращается в художника» [8, с. 84].

Однако британская писательница так же старается предостеречь биографа от риска увлечься применением романских техник в изображении своего героя, что влечет за собой смещение границ жанров. Интересно утверждение писательницы о том, что жанр «новой биографии» колеблется между двумя полюсами: «правдой факта» и «правдой вымысла». Успех каждой отдельной биографии, по мнению писательницы, зависит от того, насколько гармонично биограф решает это противостояние, а «злоупотребление вымыслом и связанными с ним художественными техниками компрометирует и сами факты, и биограф рискует потерять оба мира — и правды, и вымысла» [8, с. 85].

Для романа-биографии, как особого жанра историко-художественного повествования, характерно сочетание документальности с научно-историческим контекстом, с увлекательностью повествования, вымыслом и домыслом, а также известной свободой в компоновке материала

и явно выраженной этической и эстетической оценкой исторического процесса и его деятелей. Научно-познавательная роль романа-биографии всегда соотносится с нравственными рефлексиями личности, на которые писатель (биограф) обращает особое внимание.

Книга М. А. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» задумывалась как первый том повествовательной серии «Новый Плутарх». В последующих томах предполагалось издать около 50 биографий, но воплотить замысел автору не удалось. М. А. Кузмин делает попытку воссоздать художественную биографию графа Калиостро — личности исторической, легендарной. Писатель принял однозначное решение: вымысел будет доминировать над фактом, поскольку факты так и останутся только фактами, если над ними не будут произведены творческие действия писателя. М. А. Кузмин определил свою задачу следующим образом: *«Главным образом, меня интересуют многообразные пути Духа, ведущие к одной цели... Мне бы хотелось, чтобы из моих жизнеописаний узнали то, что лишь самый внимательный, почти посвященный чтец вычитает из десятка хотя бы самых точных и подробных фактических биографий, — единственное, что нужно помнить, лишь на время пленять игрою забавных, трагических и чувствительных сплетней, все равно, достоверных или правдоподобно выдуманных»* [2, с. 20–21]. Автор романа представляет себе полную свободу в изображении своего загадочного персонажа.

Интерпретация художественного образа основана на понятии многозначности. В результате такого подхода, художественный образ получает множество толкований, что раскрывает широту его сущностного содержания и продлевает жизнь в историческом пространстве. При этом образ укрупняется, благодаря новым значениям, которые находит автор в изучаемом персонаже.

Достоверных биографических сведений о графе Калиостро сохранилось очень мало. Родился 2 июня 1743 года в Палермо (Италия), образование получал в одном из монастырей Сицилии; его учителем был известный мистик XVIII века граф Сен-Жермен, пользовавшийся расположением Людовика XV. Избранницей графа Калиостро была Лоренца Феличиане — римская красавица, с которой в 1768 году граф узаконил отношения. Они вместе путешествовали в разные страны: Англия, Германия, Польша, Россия, Франция и др., рекламируя свою причастность к тайным мистическим знаниям. Маг утверждал, что посвящен в тайны оккультизма, владеет практикой гипноза и целительства, изобрел эликсир бессмертия, основал масонскую систему

«египетского толка», возводя себя в ранг посланника пророков Илии и Еноха, намекая на свое божественное происхождение. Калиостро, говоря о своей исключительности, использовал тот арсенал знаний, который до него использовали шарлатаны и мистики: Внешний вид графа Калиостро вызывал восторг у публики своей загадочной оригинальностью и эпатажной яркостью в одежде.

Калиостро будто бы готовил свою психику к тому, что он будет уникальной личностью, которой все будут поклоняться. Первыми импульсами такой убежденности стали сны, воспринимаемые юнком как вещи, а также убежденность матери в исключительности своего сына. В детстве он делает первые попытки делать добро людям, чтобы ощутить себя в роли благодетеля. В его голове было создано нескончаемое количество образов и фантазий, при этом реальное и мистическое у него сплелось в синкретическом конгломерате.

М. А. Кузмин обращает внимание на состояние духовного мира этого загадочного чародея. У него в романе есть эпизоды, когда неизвестный человек напоминает графу Калиостро о соблюдении жизненных моральных принципов. На начальной стадии своего пути в идеалистический мир Калиостро будто-то бы услышал совет незнакомца. Но его стремление к славе уничтожает его как целостную личность, делает его паталогически тщеславным: двадцатитрехлетний Иосиф, созерцая бездонное звездное небо, высказывает свои пророческие мысли: *«Я завуюю весь мир! ... Я овладею силами природы, земными, водяными, огненными и воздушными! Я овладею сердцами людей, их душами, их волею. Я сделаюсь могущественней Цезаря, Александра и Тамерлана — и на земле настанут благодать, мир и кротость!»* [2, с. 31]. М. А. Кузмин обращает внимание на тот факт, что Калиостро иногда получает советы от очень умных людей. Но согласится ли он «великий из великих» прислушиваться к ним? Так сорокалетний д'Аквино предупреждает начинающего мага: *«Ты овладеешь прежде всего самим собою, своими страстями и желаниями и освободишь свой дух. Сила в тебе велика, тем осторожнее нужно с нею обращаться. И потом, не следует забывать повиненья. Кто не умеет повиняться, едва ли сможет повелевать»* [2, с. 32]. Но безумное тщеславие Иосифа, самоуверенность затмевают его разум. Он не нуждается ни в чьей помощи, даже — в божественной.

Головокружение от поклонения публики приглушает его бдительность, он не задумывается об опасности нахождения в окружении непонятных людей. Об этом его предупреждает жена — графиня Лоренца: *«Если бы вы никогда не ошибались, вы видели бы, с кем*

имеете дело, и не водились бы со всякой дрянью» [2, с. 54]. Ради удержания своей популярности в высших кругах, Калиостро налаживает контакты с императрицей Екатериной II и графом Потемкиным. Он подталкивает свою жену, Лоренцу, искренне преданную ему, к тому, чтобы она вступила в близкие отношения с графом Потемкиным.

В подобных сюжетах наблюдается внутренняя деструкция личности. По этой причине Калиостро начинает ощущать упадок сил, утрату психологических способностей, направленных на мистическую деятельность. Второе появление неизвестного гостя дает возможность понять причину угасания личности, к которой приковано внимание в Европе и России: *«Я говорю не от себя. Граф Калиостро, не увлекайтесь честолюбием, ... не вступайте в интриги политические или корыстные, не пускайте в глаза пыль в глаза бедным ротозеям, не желайте быть прославленным. Надейтесь только на Того, чье Царство — Сила и Слава»* [2, с. 104].

Даже самый близкий человек из круга Калиостро, Лоренца, не может повлиять на заболевшего тщеславием мужа. Калиостро не раскусил аферистку Мэри Фрей, не ощутил предательского отношения со стороны Франческо ди С.-Маурицио, которого Калиостро приблизил к себе (Лоренца просила Калиостро, чтобы он не доверял этому человеку).

М. А. Кузмин, воссоздавая биографию Калиостро, основной упор делает на воспоминания современников, живших в одно время со знаменитым магом. Писатель взял классические эпизоды из жизни мастера, которые трансформируются во многих произведениях: мистическая встреча с графиней Лоренце, которая, при первой же встрече, назвала Иосифа Бальзамо графом Калиостро и впоследствии стала его женой; скандальная история с лотерейными билетами в Лондоне, в которую втянула Калиостро авантюрная семейка Скотт; сеансы ясновидения в курляндском городе Митаве; излечение в Петербурге бесноватого Василия Желугина; история, связанная с пропажей ожерелья королевы Франции Марии-Ангуанетты. М. А. Кузмин поддерживает мысль о том, что обладание сверхъестественным даром является испытанием для человека. Эти силы способны не только поддерживать обладателя мистического дара, но и подтолкнуть к гибели.

Среди почитателей таланта графа Калиостро были бескорыстные люди, искренне любившие его. Встречу в Митаве с юной Анной-Шарлоттой Медем, ставшей ученицей Калиостро, М. А. Кузмин считает знаковой. Анна-Шарлотта, признавая ясновидение своего учителя, имея подобный дар, делает смелое заявление в адрес именитого мага. Она

предчувствует беду, источником которой является сам граф Калиостро. Но Калиостро не прислушивается к совету-предупреждению. Он слишком далеко зашел в своем самообожании: *«Я буду сильнее всех! Какой восторг! Все люди мне подчинятся, и я им дам то, что им нужно. Царство мое будет царством милости и благодати. Бедные братья, хотите вы золота? Золото к вам потечет из моих рук, как источника, хотите успеха — успех идет к вам навстречу; любви, власти? — все вам дастся, только признайте меня. Я беру все ваши слабости, ваши грехи на себя; спите спокойно, только поставьте меня вершителем вашей судьбы!»* [2, с. 106].

С этого момента начинается «падение» Калиостро: маг постепенно утрачивает свою силу, превращаясь в шарлатана. И если толпа по-прежнему видит в нем необыкновенную личность, приветствуя его после освобождения из Бастилии, то несколько строк из письма Анны-Шарлотты лишают читателя всяческих иллюзий относительно величия «нового» Калиостро. Девушка пишет: *«Граф Калиостро, я вам была верна, куда вы были верны сами себе...»* [2, с. 120].

Развязка наступает в Риме: опыты не удаются, знания иссякают, влияние в обществе утрачивается, внутренние силы ослабевают.

Интерпретируя художественный образ графа Калиостро, автор часто использует элементы иронии, этот прием усиливает в произведении эффект правдивости. У настоящих магов нет личных выгод, все, что они делают, подчинено строгим законам сверхъестественных сил. Главный персонаж романа использует масонские знания и опыт алхимиков для личной выгоды, что является недопустимым.

Повествователь так описывает методы исцеления больных графом Калиостро: *«В числе пациентов Калиостро был бесноватый... Первый раз когда графа ввели к больному, тот зарычал на него и бросил глиняной чашкой, в которой давали ему еду. Чашка разбилась о стену, а Калиостро, быстро подойдя к бесноватому, так сильно ударил его по щеке, что тот свалился на пол...»* [2, с. 87]. Для завершения процедуры исцеления Калиостро подготовил две лодки. В одну из них маг садиться с бесноватым Иваном Желугиным, а во второй — сидят слуги для участия в непредсказуемой ситуации. *«Доехав до середины Невы, Калиостро вдруг схватил бесноватого и хотел бросить его в воду, зная, что неожиданный испуг и купание приносят пользу при подобных болезнях...»* [2, с. 88]. Ситуация приобретает комический характер: падая в воду, Иван Желугин цепляется руками за графа Калиостро. Мага спасают слуги, сидящие во второй лодке. Желугин кричит: *«Какой сердитый, вот так*

сердитый! Чего же сердиться-то? Я не бог, не бог, не бог, ей-Богу, не бог. Я Васька Желугин, вот кто я такой! А вы и не знали» [2, с. 88]. Здесь явно нивелируется чудодейственный эффект исцеления больного. Подобный двойкий взгляд на загадочного героя делает его еще более загадочным. С одной стороны, он демонстрирует результаты работы, связанные с мистическими сеансами, с другой — показывает признаки шарлатанства. М. А. Кузмин будто бы отрезвляет доверчивых читателей, безоговорочно доверяющим Калиостро («*мечтателям закон не писан*») [2, с. 130]. В финале романа автор пытается убедить читателя, что в сюжете немало «точных» исторических данных: «*Калиостро умер в тюрьме 26 августа в 3 часа утра и погребен на холме без отпевания и креста. Лоренца умерла несколько недель спустя, не выходя из монастырской ограды*» [2, с. 129]. По мнению М. А. Кузмина, безмерное честолюбие и самовлюбленность помешали Калиостро до конца выполнить миссию, предназначенную ему свыше, как человеку проигнорировавшему кодекс чести мага.

Интерес к личности Калиостро был огромен. Например, «Вольфганг Гете ездил по Италии собирать материалы о первых годах Калиостро» [2, с. 128]. Этот интерес не угасает пор сих пор. Его образ интерпретируется в различных жанрах литературы и видах искусства. Например, М. Таривердиев создал комическую оперу «Граф Калиостро» (1983), а в 1984 году на экранах появился фильм М. Захарова «Формула любви» (сценарий Г. Горина). В сценарии были задействованы повесть А. Н. Толстого «Граф Калиостро» (1921) и М. А. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» (1919).

М. А. Кузмин относится к своему персонажу с симпатией. Все поступки Калиостро оправдываются обстоятельствами. На фоне комических ситуаций маг не выглядит беспомощным и жалким, автор романа-биографии находит множество эпизодов, убеждающих нас в сверхъестественных способностях этой личности. При этом М. А. Кузмин старается быть объективным. Он находит серьезные просчеты в морально-духовной сфере этой легендарной личности: полная уверенность в своей исключительности, отсутствие критического отношения к своим поступкам, неумная жажда управлять всем миром.

В романе-биографии М. А. Кузмина Калиостро предстает двуликой особой: и как «великий посвященный», и как «заснавшийся шарлатан». Историческая доминанта в авантюрном романе-биографии выражена имплицитно, главным компонентом остается вымысел, а степень историзма снижена до минимума. Определенная степень авантюристичности сюжета дает право назвать данный беллетризованный сюжет развлекательным.

И хотя беллетристика лишена художественного масштаба, но воспринимается современниками как таковая, которая отвечает духовным и интеллектуальным потребностям определенной части общества. Эффект заинтересованности, эффект интриги считается необходимым условием романа-биографии, в котором изображена авантюрная личность.

Список использованной литературы

1. Карабутенко И. М. Кузмин вариации на тему «Калиостро»: вступ. ст., коммент. к роману М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро». Москва: Художественная литература, 1990. С. 5–17.
2. Кузмин М. А. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро / подгот. текста, вступ. ст., коммент. И. Карабутенко. Москва: Художественная литература, 1990. 143 с.
3. Никифорчук С. С. Биография как тип текста: к истории вопроса. *Сб. конф. НИЦ «Социосфера»*. 2011. № 13. С. 312–316.
4. Палиевский П. Документ в современной литературе. *Литература и теория*. Москва: Советская Россия, 1979. С. 128–173.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Москва: Наука, 1964. Т. 3. 559 с.
6. Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти. *Сотворение истории. Человек. Память: Текст лекций*. Казань, 2001. С. 344–345.
7. Стрэчи Л. Королева Виктория. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 352 с.
8. Украинец М. А. Проблема внутржанровой типологии произведений англоязычной биографии прозы. *Вестник Московского государственного областного университета*. 2010. № 1. С. 82–85.